

ПЁТР МЕЖИНЬШ

ОПЯТЬ МОТЫЛЬКОВАЯ НОЧЬ...

* * *

Отшумел большак,
отколесился.
Заросли травой
тропки-тропицы.
Где-то там вдали
путь другой лежит,
путь другой бежит
резво-молодо.
Колесо поёт
о другой мечте,
о других цветах
синеглазия.
Что им тот большак?
Он забыт в траве,

МЕЖИНЬШ Пётр Янович родился в 1941 году в г. Елгава (Латвия). Мать — Устинья Терентьевна Межиньш (Румянцева) — из русской староверческой семьи, отец — латыш. Отец, Янис Янович Межиньш, воевал в рядах Советской Армии в ВОВ и погиб в последние дни войны под Тукумсом (в Курляндском котле). Похоронен под пос. Джуксте в братской могиле. Деда Румянцева Терентия Григорьевича в 1941 году расстреляло гестапо. Детство Петра Яновича прошло в детском доме, в г. Риге. Затем учился в ж/д училище, окончил Строительный техникум, учился в Московском полиграфическом институте (Рижский филиал). В 1988 году создал в Риге “Союз литературных объединений” (в дальнейшем — “Общество (Союз) литераторов “Светоч”) и был избран его председателем. В 2006 году “Светоч” приняли в Международное Сообщество Писательских Союзов (Россия, Москва). Лауреат Литературно-общественной премии “Золотая осень” им. С. А. Есенина с вручением одноимённого ордена (за вклад в русскую литературу).

он хранит в груди
песни древние.
Что им тот большак —
проезжающим
по своим путям,
за своей мечтой,
им,
уверенным
победителям,
до конца свой путь
не изведавшим?
Опалённых дней
им пока не жаль,
прошлый тот большак
лишь травой-трава...

А куда он вёл,
знает ветер лишь
да седая пыль
перемётная...

* * *

Наверх — по изношенным
ступеням скрипения!
Наверх —
по кошачьей пахучей лестнице
терпеливого пения!
Наверх —
На причердачный, не дачный,
третий этаж!
Наверх — туда,
где праздник наш!..
Вот напротив друг дружки —
две квартиры:
седьмая — Шировы,
квартира тёти Кати,
весёлой улыбки
в цветущем платье,
и квартира восемь —
дверь к моей бабушке..
Просим!
Заходите в мир высоких
кружевных перин —
это я приглашаю себя:
“Заходи, господин!
Заходи, голь перекатная
улицы Лачплеша!
Заходи, носа не вешай!..
“Бабушка, расскажи,
а во время войны
тебе было страшно в этом
деревянном царстве жить?
Солнечные платья —
когда стреляют —
на “Зингере” шить?..
Бабушка, а через улицу
православная церковка,
как это немцы
её не сожгли?..

Ведь кровавые ветры
 по земле мели!
 Ты говоришь —
 евреев по этой улице
 в гетто вели,
 люди
 не рады были “гостям”,
 страх бродил
 по костям,
 жуткий, безумный страх...
 Иссохших слёз прах,
 прах ужаса
 в кошмарных снах.

Бабушка, бабушка Катя,
 ты говоришь, на “Казачке”
 стояли наши “катыши” —
 это,
 когда уже бежали немцы
 и звучала песня
 “Расцветали яблони и груши”...”
 Я слышу, как скрипят ступени,
 как бабушка уходит вниз...
 Лучи солнца
 пробиваются сквозь щели,
 бабушкиного солнца лучи,
 и запах свечи,
 и того последнего лета
 приметы всё тают и тают
 клочками далёкой
 детской сказки,
 последней
 бабушкиной ласки...
 Тает мой босоногий сон...

* * *

Опять мотыльковая ночь
 наполнена лунным настоем,
 и пряным духмяным настроем
 шуршит мотыльковая ночь.

И спят под водой облака,
 и звуки струятся сквозь тело.
 И кажется, что обмелела
 впитавшая звёзды река.

И камня движенья легки,
 ему все подвластны вершины...
 И мёдом облиты долины.
 И беды мои далеки.

Мне дух говорит: “Оцветочь
 душой теневое пространство,
 неси молодое убранство
 в свою мотыльковую ночь...”

И вновь мотыльковая ночь
 наполнена лунным настоем,
 и пряным духмяным настроем
 шуршит мотыльковая ночь.